

«ПРОНИКАЯ В НЕПРОНИЦАЕМУЮ СУЩНОСТЬ»

Рецензия на книгу: Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е.А. Боратынского.

Коллективная монография / общ. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2023. 448 с. (Серия: Русская литература и философия: пути взаимодействия; вып. 6).

А.П. Дмитриев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; Санкт-Петербург, Россия; apdspb@gmail.com

Аннотация: В коллективной монографии «Поэзия мысли: от романтизма к современности» решается задача теоретического обоснования феномена «поэзии мысли» в его неоднозначных взаимоотношениях с «поэзией эмоции» и «философской поэзией». В книге анализируется наследие Е.А. Боратынского и его рецепция в творчестве поэтов XIX–XXI веков, а также рассматриваются трансформации и метаморфозы феномена «поэзии мысли» в русской литературе начиная с конца XVIII столетия. Издание представляет собой значимое научное исследование.

Ключевые слова: поэзия мысли; философская поэзия; романтизм; модернизм; Е.А. Боратынский; А.М. Песков; эмблематика; мифологема; художественная антропология

Финансирование: Исследование выполнено при Институте научной информации по общественным наукам РАН в рамках проекта Российского Научного Фонда № 23-2800020. *Шевырёв С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов: в 7 т. Т. 5–6.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-15

Для цитирования: Дмитриев А.П. «Проникая в непроницаемую сущность»: Рецензия на книгу: Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е.А. Боратынского. Коллективная монография / общ. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2023. 448 с. (Серия: Русская литература и философия: пути взаимодействия; вып. 6) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 185–191.

“PENETRATING THE IMPENETRABLE ESSENCE”

Poetry of Thought: From Romanticism to Modernity. To the 220th Anniversary of E.A. Boratynsky. Collective monograph / general. ed. and comp. E.A. Tahoe-Godi. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2023. 448 p. (Series: Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction; issue 6)

A.P. Dmitriev

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS; Saint Petersburg, Russia;
apdspb@gmail.com*

Abstract: The collective monograph *Poetry of Thought: From Romanticism to Modernity* solves the problem of theoretical substantiation of the phenomenon of “poetry of thought” in its ambiguous relationship with “poetry of emotion” and “philosophical poetry”. The book analyzes Boratynsky’s legacy and its reception by poets in 19th–21st centuries, and also examines the metamorphoses of the phenomenon of “poetry of thought” in Russian literature since the end of the 18th century. The monograph represents a significant academic study.

Keywords: poetry of thought; philosophical poetry; romanticism; modernism; E.A. Boratynsky; A.M. Peskov; emblems; mythology; artistic anthropology

Funding: The study was carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS; within the framework of the Russian Science Foundation project No. 23-2800020. Shevyrev S.P. Complete collection of literary critical works: in 7 volumes. Vol. 5–6.

For citation: Dmitriev A.P. (2025) “Penetrating the Impenetrable Essence”: Poetry of Thought: from Romanticism to Modernity. To the 220th Anniversary of E.A. Boratynsky. Collective monograph / general. ed. and comp. E.A. Tahoe-Godi. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2023. 448 p. (Series: Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction; issue 6). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 185–191.

Очередной, шестой по счету, выпуск серии научно-исследовательских трудов «Русская литература и философия: пути взаимодействия», издаваемой начиная с 2018 года под эгидой Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, представляет собой коллективную монографию, приуроченную к 220-летию Е.А. Боратынского.

Старинный спор о написании второй буквы в фамилии поэта здесь разрешился в пользу «о», вызвав ожидаемый разнобой, поскольку почти во всех цитатах, приводимых исследователями, — Баратынский, а в авторской речи — только Боратынский. На этот диссонанс указывается во «Введении», где приносятся извинения

перед «взыскательными читателями». Составитель издания ссылается на авторитет таких «борцов» за написание буквы «о», как М.Л. Гофман и профессор Московского университета А.М. Песков, хотя указывает, что и А.М. Песков в личной переписке рубежа 1980–1990-х годов «зачастую отступал от данного требования» (10).

Надо сказать, что рецензируемый выпуск «литературно-филологической» серии впервые целиком посвящен поэзии. Отметим, что уже на первых страницах цитируется афоризм Любомира Д.В. Веневитинова «Поэзия неразлучна с философией» (13), а далее и сходные по смыслу изречения из сочинений немецких романтиков, к которым восходят слова Веневитинова. Таким образом, в коллективной монографии задается основной лейтмотив разрабатываемой проблематики, которой посвящена вся серия, и ставится в качестве основополагающей задача теоретического обоснования феномена «поэзии мысли» в его неоднозначных взаимоотношениях с «поэзией эмоции» («сердечного воображения») и «философской поэзией». Один из участников издания, А.М. Ранчин, предлагает даже математически выверенный алгоритм для опознания текстов, соответствующих категории «поэзия мысли» (335–336).

Авторский коллектив весьма представительен и включает 35 исследователей из 10 регионов России (преобладают москвичи — их 24 человека) и 6 ученых из Сербии, Германии, Франции и США. Издание готовилось по материалам одноименной конференции 2020 г., в период ковидной эпидемии, и два автора — доктора филологических наук Наталья Владимировна Володина (Череповец) и Антонина Григорьевна Грек (Москва), — к сожалению, не дождались его выхода в свет, а в октябре 2023 г. скончался волгоградский профессор Александр Иванович Пигалев, автор первого раздела монографии.

Структурно в книге выделены две части. В первой («Е.А. Боратынский: эстетика, поэтика, интерпретации»), подразделяющейся в свою очередь на две главы, анализируется творчество самого поэта. В главе I рассматриваются концепты, отдельные категории, мотивы, мифологемы Боратынского; в главе II — взаимовлияния и рецепция его наследия прежде всего современниками: Пушкиным, Вяземским, В. Одоевским — и писателями-модернистами, среди которых — Брюсов, Розанов, З. Гиппиус, Мережковский, Блок, Иван Коневской, Вяч. Иванов, Андрей Белый, Айхенвальд (цитату из его очерка о Боратынском мы использовали в заголовке рецензии) и др.

Вторая часть книги («Поэзия мысли — трансформации и метаморфозы») включает три главы, в которых этот феномен трактуется в хронологическом порядке: в отечественной литературе конца XVIII — второй половины XIX столетия (от Державина до Фета),

в поэзии Серебряного века (от И. Анненского до Мандельштама) и в литературе Новейшего времени вплоть до наших дней (от Б. Божнева до О. Седаковой).

Следует признать, что книга получилась весьма достойная; причем в отличие от иных «коллективных монографий», лишь внешним образом совмещающих разнородные компоненты, здесь ощущается внутреннее единство составляющих книгу разделов-параграфов, обеспеченное прежде всего присущей им основательной теоретической рефлексией над феноменом «поэзия мысли». Краткая рецензия не позволяет остановиться на всех материалах, заслуживающих внимания. Выделим лишь параграфы с наиболее глубокой и оригинальной, на наш взгляд, проработкой заявленных тем.

А.И. Пигалев (раздел «Примирение философии с поэзией в немецком и русском романтизме») показал, что в лирике Боратынского, как и в русском романтизме в целом, происходило движение от поэтического языка чувства и образа к языку, основанному на точности стиля и слога, — в соответствии с принципами просветительского рационализма. Тогда как в немецком романтизме, для которого этот этап был позади, поэтический язык претендовал на роль философского, осваивающего глобальные мировоззренческие и цивилизационные проблемы. Исследователь справедливо подчеркивает «ведущую роль» С.П. Шевырева (13) в обосновании понятий «поэзия мысли» и «поэт мысли», правда, не развивая этот тезис. Поэтому, кстати сказать, отсутствие в книге особого параграфа, посвященного взаимоотношениям Боратынского и Шевырева, представляется досадным упущением.

Из произведений Боратынского авторы предсказуемо чаще всего обращаются к сборнику «Сумерки» (И.А. Александров о «мифологеме света», В.П. Троицкий о поэтике и генезисе заголовка и др.) и, в частности, к стихотворению «Недоносок» (В.Ю. Даренский о мотиве «второго рождения», Т.А. Касаткина об «аспектах художественной антропологии» в этом произведении). Наиболее интересна последняя из названных интерпретаций стихотворения: исследовательница убедительно раскрыла сущность антропологической концепции поэта, которая, вопреки сложившимся стереотипам восприятия «Недоноска» (сквозь призму платонически-гностических идей, в метафорическом плане и пр.), зиждется на христианских представлениях о посмертии новорожденного и возможностях развития человеческого духа только в пределах его земного существования (58–62).

Богатый материал как для комментирования ряда поздних стихотворений поэта, так и для утверждения о том, что в основе его творческой диалектики лежит метод эмблематики, дает объемный

раздел «Е.А. Боратынский — искушение недоказуемым», написанный Е.А. Тахо-Годи. Здесь предложено множество гипотез, порой дерзких, но всегда дельных и будящих мысль, поскольку основаны они на кропотливом анализе различных аналогий, соположений и претекстов, для чего привлекаются: «Метаморфозы» Овидия, ветхозаветные книги Царств и Екклесиаст, проповеди Лютера и Феофана Прокоповича, «Сон в летнюю ночь» Шекспира, живопись Рембрандта и Ф. Буше, трактаты Э. Сведенборга и Я. Бёме, поэзия В. Гюго и Й. Цедлица, Карамзина, Сумарокова, Кюхельбекера и др. (74–107). Не менее интересен подготовленный Д.П. Ивинским параграф ««Две повести в стихах»: 14 декабря, Николай I, князь П.А. Вяземский и другие», где убедительно реконструируется замысел Пушкина, напечатавшего «Графа Нулина» под одной обложкой с «Балом» Боратынского, состоявший в том, чтобы завуалировать свои симпатии к политике Николая I по отношению к либеральной оппозиции (108–116).

Из четырех разделов, посвященных модернистским интерпретациям личности Боратынского как «предтечи символизма», выделяется параграф «Поэт-философ о поэте мысли: Е.А. Боратынский в восприятии Вяч. Иванова», написанный Ю.Ю. Анохиной (149–157), не так давно защитившей в Московском университете кандидатскую диссертацию о поэте-романтике.

Вторая часть книги объединяет 23 раздела, авторы которых плодотворно исследуют динамику развития феномена «поэзии мысли» в русской культуре на протяжении двух с половиной столетий. Перечислим поэтов, которым посвящены особые сюжеты монографии: Н.А. Львов, Г.Р. Державин, А.Х. Востоков, В.А. Жуковский, Ф.Н. Глинка, Н.В. Станкевич, А.С. Хомяков, К.С. и И.С. Аксаковы, Ф.И. Тютчев, С.П. Шевырев, А.А. Фет; И.Ф. Анненский, Д.С. Мережковский, Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, С.А. Есенин, О.М. Мандельштам, В.Ф. Ходасевич; Б.Л. Пастернак, Б.Б. Божнев, В.В. Набоков, И.А. Бродский, Е.А. Шварц, О.А. Седакова, А.С. Глазова. В качестве поэта выступает даже В.В. Розанов — в параграфе о его «поэтическом богословии», написанном сербским ученым Лазаром Милентиевичем (285–292).

Попутно с осмыслением «поэзии мысли» делаются интересные открытия, например: о «поворотном моменте в религиозно-эстетических поисках» Мережковского в 1892 году (В.В. Кравченко, «Религиозно-философские эксперименты в раннем поэтическом творчестве Д.С. Мережковского», 277–284), о философских предпосылках и обоснованиях зарождавшегося акмеизма (А.В. Филатов, «Н.С. Гумилев и С.М. Городецкий как теоретики акмеизма: к вопросу о философии нового течения», 293–300). Важны три раздела моно-

графии, авторы которых прослеживают рецепцию конкретных философских систем в творчестве отдельных поэтов. Имеем в виду работы Ю.В. Шевчук (о Л.М. Лопатине и И.Ф. Анненском, 239–245), О.М. Седых (об Освальде Шпенглере и О.Э. Мандельштаме, 301–310) и А.А. Азаренкова (о Франсуа Федье и О.А. Седаковой, 352–360). Т.Ф. Теперик проводит яркие сопоставления перевода оды Горация В.А. Жуковским с опытами других поэтов, в том числе третьестепенных («Поэзия мысли и поэзия чувства: ода Горация II, 3 (“К Делию”)» в переводе В.А. Жуковского», 193–202)¹.

Отрадно, что не была забыта одна из первых книг-предшественниц рассматриваемой монографии — антология П.П. Перцова «Философские течения русской поэзии» (СПб., 1896; 2-е изд.: 1899), снабженная статьями, в которых предлагалось религиозно-философское осмысление поэтических подборок Пушкина, Боратынского, Лермонтова, Тютчева, Фета и других поэтов. Замечательно, что автор этого параграфа, В.Н. Крылов, привлекает неопубликованную переписку Брюсова с Перцовым, где обсуждались принципы освоения критикой «истинной философии поэзии» (255)².

В разделе «Историософские основания идеи славянского единства в поэзии А.С. Хомякова, братьев Аксаковых, Ф.И. Тютчева, С.П. Шевырева», написанном молодой исследовательницей А.Ф. Багаевой, к сожалению, присутствуют неточные суждения. Например, в связи с началом Крымской войны И.С. Аксаков получает такую характеристику: «критически оценивавший славянофильство и панславизм» (227) — и потому якобы в стихотворении «На Дунай! туда, где новой славы...» поэт призывает к участию в войне только ради «жажды подвига», которого людям недостает в обыденной жизни, а вовсе не для защиты поработенных турками славян. Как известно, Аксаков был редактором-составителем и активным участником всех трех славянофильских «московских сборников» (1846, 1847, 1852), а с начала 1860-х годов возглавил славянофильское движение. Воззвание же «На Дунай!» — это однозначный призыв именно к самопожертвованию ради братьев-славян. Объясняются досадные недочеты тем, что автор раздела здесь некритически опиралась на вступительную статью к однотомнику И. Аксакова в серии «Библиотека поэта», вышедшему в 1960 году, когда о публикации славянофильского наследия в СССР не могло быть и речи. Но чудо произошло. Правда, и научное издание полного корпуса поэзии лидера

¹ Видимо, исследовательнице был неизвестен перевод оды Горация А.С. Хомяковым, опубликованный, правда, недавно: Хомяков А.С. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. СПб.: Росток, 2021. Т. 1. С. 277–278.

² Отметим, однако, недосмотр: местоположение брюсовского архивного фонда № 386 в сносках указывается по-разному: то в РГАЛИ (255), то в ОР РГБ (257).

славянофилов И. Аксакова, безусловно, только и стало возможным благодаря статье А.Г. Дементьева и Е.С. Калмановского, основанной на благотворном в данных обстоятельствах принципе «ложь во спасение».

Впрочем, отмеченные случайные упущения нисколько не омрачают общего впечатления от книги, представляющей значимое для нашей науки исследование.

Завершается монография необычно и очень душевно — в качестве приложения к ней опубликован мемуарный очерк «Уроки Пескова», принадлежащий перу его ученицы Е.Е. Давыдовой-Пастернак (379–394). Теперь у знающих Алексея Михайловича только по его талантливым работам, прежде всего о Боратынском, появилась прекрасная возможность живо ощутить на себе обаяние этой светлой личности — прекрасного человека, ученого, педагога.

Поступила в редакцию 18.03.2024

Принята к публикации 28.08.2024

Отредактирована 06.03.2025

Received 18.03.2024

Accepted 28.08.2024

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Дмитриев Андрей Петрович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; apdspb@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Andrey P. Dmitriev — Dr. Sci, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS; apdspb@gmail.com